

РОЛЬ ЦИТАТ ИЗ ХРИСТИАНСКИХ ИСТОЧНИКОВ В РОМАНЕ И.А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

Роман И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» насыщен цитатами из самых разных источников. Прежде всего, это огромное культурное поле русской литературы от «Слова о полку Игореве» до русской классики XIX века, произведений Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Толстого. На этот источник цитат романа Бунина неоднократно указывали исследователи. Наряду с русской литературой, в текст «Жизни Арсеньева» включены цитаты из зарубежной литературы. Но есть еще один важнейший источник цитат бунинского романа, исследование которого только начинается, – это христианская литература, а именно тексты Ветхого и Нового Заветов, молитвослова (Требника), произведений церковных и агиографического жанров.

Окончательный вариант по изданию 1952 года с правкой автора содержит 27 цитат из христианских источников. В их число входят как грамматически и содержательно оформленные фрагменты, так и отрывки предложений, фраз, включенные в контекст формально-грамматическим способом (в составе авторских предложений).

В рукописях количество цитат из христианских источников было гораздо большим – около сорока, что свидетельствует о важности и значимости исследуемой художественной структуры как одной из основ текста романа. Что касается причин исключения ряда фрагментов, то наиболее вероятными можно считать в большей части – их значительный объем, в других случаях – слишком явное совпадение или близость по смыслу содержания цитат с размышлениями героя, что придавало тексту некую декларативность и чего Бунин категорически не принимал в художественных произведениях и прежде всего в своих.

О цитируемых источниках можно сказать следующее: с той или иной степенью точности цитируется Ветхий завет (Книга Пророков - Исайя, Плач Иеремии), Псалтирь (псалмы 92, 118, 117, 50), фрагменты различных церковных служб с песнопениями, молитвы, жития (Прокония - в собственной стихотворной обработке - и Аввакума Петрова), "История краткая в ответах сих" Ивана Филлипова, учебник Закона Божия. Характерно, что никаких свидетельств подготовительной работы или сверки цитат с оригиналами не обнаруживается. Очевидно, Бунин приводит нужные фрагменты на память.

В этом смысле можно, на наш взгляд, говорить о "напитанной библейскими текстами памяти" как о составляющей художественного сознания автора" [1, 507]. Нельзя не согласиться с утверждением исследователя, что "цитаты выступают одним из художественных средств создания цельного образа-впечатления, своего рода апперцепцией, а цитирование - литературным приемом повествования, этот образ воскрешающего" [1, 508]. Однако этим роль цитат из христианских источников в романе далеко не исчерпывается.

Тот факт, что герой передает свои переживания, мысли, чувства цитатами из христианских текстов свидетельствует о том, что именно эти цитаты являются средствами выражения его взглядов на мир, исканий, идеалов, стремлений. Описывая церковную службу, Арсеньев подробно передает свои ощущения. *«Слава святей и единосущней и животворящей и нераздельной троице...»* «Как все это волнует меня! <...> все это стало как бы частью моей души, и она, теперь уже заранее угадывающая каждое слово службы, на все отзывается сугубо, с вящей родственной готовностью. *«Слава святей, единосущней»* - слышу я знакомый милый голос, слабо долетающий из алтаря, и уже *всю службу стою я зачарованный. <...> Придите поклонимся, придите поклонимся... Благослови, душе моя, господи,* - слышу я, <...> и у меня застилают глаза слезами, ибо я уже твердо знаю теперь, что *прекрасней и выше всего этого нет и не может быть ничего на земле, что если бы даже и правду говорил Глебочка, утверждающий со слов некоторых плохо бритых учеников из старших классов, что бога нет, все равно нет ничего в мире лучше того, что я чувствую сейчас, слушая эти возгласы, песнопения и глядя на красные огоньки перед тускло-золотой стеной старого иконостаса»* [2-5, 66].

Оторвавшись от родного дома, ощущая себя странником в большом мире, Арсеньев приходит в церковку Воздвижения *«истинно как в отчью обитель»*, успокаиваясь и очищаясь душой, «слушая скорбно-смирненное *«Да исправится молитва моя»* или сладостно-медлительное *«Свете тихий – святые славы бессмертного – отца небесного – святого, блаженного – Иисусе Христе...»* <...> или опускаясь на колени в тот таинственный и печальный миг, когда опять на время воцаряется глубокая тишина во всей церкви, опять тушат свечи, погружая ее в темную ветхозаветную ночь, а потом протяжно, осторожно, чуть слышно начинается как бы отдаленное, предрассветное: *«Слава в вышних богу – и на земли мир – в человецех благоволение...»* - с этими страстно-горестными и счастливыми троекратными рыданиями в середине: *«Благословен еси, господи, научи мя оправданием твоим!»* [2-5, 66].

Цитаты из христианских источников выполняют в романе Бунина сюжетообразующую и смыслообразующую функции. Благодаря библейской цитате реализуется в 4 главе 5 книги тема, мотив и идея пути. Собственно, о своей философии жизни, о своем Пути Арсеньев чаще всего говорит именно с помощью библейских цитат, мотивов, образов, сюжетов. В конце 4 главы 1 книги Бунин вводит в воспоминания Арсеньева слова Бога-Отца из Ветхого Завета: *«Пути мои выше путей ваших и мысли мои выше мыслей ваших...»*. Введенная в повествование после рассказа Арсеньева о судьбе и смерти матери, эта цитата из Библии становится, с одной стороны, выражением мысли о непостижимости Божьего замысла («пути Господни неисповедимы»), которая неоднократно звучит в романе, связанная с темой судьбы человека. С другой стороны, в контексте всего произведения она выражает идею Бога как символа высшего смысла и высшего закона бытия, согласно которому человек должен во всем видеть волю Бога и принимать ее. Бог для Арсеньева становится той Истиной, которая воплощает высшую разумность, правильность, справедливость, закономерность всего существующего. Поэтому так запоминается Арсеньеву-подростку в церкви молитва со «страстно-горестными и счастливыми троекратными рыданиями в середине: «Благослови еси, господи, научи мя оправданием твоим!» [2-5, 66], то есть наставь на путь истинный. Именно к такому Пути стремится Арсеньев и в зрелости осознает его как единственно возможный.

И, наконец, самая важная, на наш взгляд, функция цитат из христианских текстов в романе Бунина, - это выражение авторской концепции мира и человека. В этом отношении является знаменательным тот факт, что первое издание романа Бунина представляло собой закольцованный цитатами из христианских источников текст. Роман и сейчас начинается цитатой из сочинения христианского старообрядческого историка Ивана Филлипова: "Вещи и дела, аще не написанныи бывають, тмою покрываються и гробу беспамятства предаются, написанныи же яко одушевляються..." Иван Филлипов, прославленный тем, что написал историю Выговской поморской пустыни и мартиролог всех ее настоятелей, вложил таким образом в свои слова глубокий смысл, ориентированный на древнейшие свидетельства Слова. В первоначальных редакциях "Жизни Арсеньева" И.А. Бунин предполагал довольно подробное толкование цитаты, начинавшееся словами: «Итак, что же такое моя жизнь и вообще "вещи и дела" человеческие?» Отталкиваясь от цитаты, автор рассуждал о своем "словесном ремесле, т.е. сознании и одушевлении своих вещей и дел, стремление к которому приистекает, может быть, только из страха перед гро-

бом беспамятства". Однако уже в издании 1935 года текст заметно сокращается, в конечном итоге, сразу после цитаты следует: "Я родился полвека тому назад..." Цитата, таким образом, представляет собой своего рода внутритекстовой эпитафии ко всей книге. Сам по себе этот факт говорит об известной тенденции: Бунин стремился к максимальной выразительности чужого слова как на уровне смысловой сопряженности, так и на уровне замысла романа в целом.

Характерно, что цитаты из христианских источников в романе Бунина - это атрибутированные цитаты: писатель всегда выделял их в тексте кавычками, а иногда, явно подчёркивая их значимость, вынесением цитат на отдельные строки и очень эмоционально-взволнованными, почти как у Цветаевой, тире, которые отсутствуют в самих источниках. Таким образом, это так называемые "сознательные цитаты-заимствования".

В издании 1952 года ныне существующего финала с описанием сна Арсеньева ранее следовала цитата из Нового Завета, открыто выражающая авторскую идею: "Как воскреснут мертвые? И в каком теле придут? Сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное - восстает духовное" [3, 128]. Ее исключение из текста окончательной редакции 1952 года было сделано, на наш взгляд, в соответствии с сугубо поэтическими задачами: с одной стороны, интонационно-смысловая законченность уже достигнута ("Я видел ее смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которую не испытывал ни к кому никогда"), а с другой - подобная пронзительная лиричность явно не лучшим образом сочеталась с эпическим строем следовавшей затем цитаты: "Как воскреснут мертвые? В каком теле придут?.." Собственно говоря, и сам смысл – сугубо эсхатологический – приведенных строк уже ничего не прибавлял той тональности эпитафии, которая была задана тремя предыдущими фрагментами авторского текста, разделенного Буниным четкими линиями, как на надгробиях или памятных знаках. Для нас важен тот факт, что евангельский текст был для писателя основой завершения сюжета, способом выражения важнейшей авторской идеи и развития художественного замысла.

Таким образом, роль цитат из христианских источников в романе Бунина "Жизнь Арсеньева" обусловлена замыслом произведения, общими и частными художественными задачами автора, ведущими идеями, особенностями его концепции мира и человека.

Цитаты их христианских текстов являются средствами выражения взглядов на мир, стремлений, исканий героев. Они выполняют

сюжетообразующую, структурирующую функцию. В контексте всего произведения как единой художественной системы цитаты из христианских источников играют важную смыслообразующую роль, актуализируя не только собственное значение того или иного фрагмента авторитетного источника, но и создавая новое, контекстуально связанное его значение и создавая метатекстовый уровень произведения. Представляя собой своеобразные семиотические единицы, они становятся средствами выражения христианского метатекста романа Бунина "Жизнь Арсеньева".

Исследование цитат из христианских источников романа Бунина подтверждает наши выводы об интертекстуальности "Жизни Арсеньева" и позволяет прочитать роман в двух парадигмах: христианской и постмодернистской.

Библиографический список

1. **Пронин, А.А.** Судьба цитат из христианских источников в книге И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева. Юность» [Текст] / А.А. Пронин // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX вв. Сб. н. тр. Вып.2. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1998.
2. **Бунин, И.А.** Собр. соч. 6 т. [Текст] / И.А. Бунин. – М., 1988.
3. Первое послание к Коринфянам [Текст] // Библия. Книги Священного Писания, Ветхого и Нового Завета. – Кишинёв, 1993.